

Витрина
окаянных улыбок

Ирина Киселёва

Ирина Киселёва

Витрина окаянных улыбок

«Автор»

2025

Киселёва И.

Витрина окаянных улыбок / И. Киселёва — «Автор», 2025

"Витрина окаянных улыбок" - это сборник коротких рассказов, раскрывающих тайны человеческих лиц и скрытых мотивов за маской доброжелательности. В каждой истории автор погружает читателя в уникальный мир, где за искренней улыбкой скрываются интриги, обман и порой даже зло. В книге представлены разнообразные персонажи: от благородных героев, готовых пожертвовать ради других всем, до коварных манипуляторов, использующих улыбку как оружие. Среди них есть люди, чьи благие намерения оказались лишь прикрытием для личной выгоды или мести; те, кто вынужден скрывать свои истинные чувства из страха или необходимости; и те, кто просто не умеет по-другому выражать свои эмоции. Каждая история — это отдельная глава в сложной мозаике человеческих отношений, где улыбка становится символом обмана или защиты. Эта книга — напоминание о сложности человеческой натуры и о том, что за каждой улыбкой может скрываться целая история.

© Киселёва И., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Неблагонадежный сосед	5
Сварочная маска	12
Монополия на страдания	18
Подлинная боль	22
Тихое чувство	26
Настоящее удовольствие	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ирина Киселёва

Витрина окаянных улыбок

Неблагоденственный сосед

Женщина с шумом задвинула облесзую входную дверь и обернулась. Новое жилище в старой панельке встретило тревожным полумраком, затхлостью и ощущением сырости. Она оставила в коридоре два чемодана своих вещей, собранных впопыхах, включила свет и прошла на кухню.

Зеленая советская плитка потеряла свою былую яркость и оголила швы, к столу приклеилась выпцветшая скатерть, а старый, подкопченный снизу чайник одиноко громоздился на разваливающейся газовой плите.

Женщина достала пачку сигарет, открыла со скрипом мутные деревянные окна и закурила. Квартира полностью соответствовала тому, что творилось в ее душе: в крошечной пустоте неизвестные существа сжирали все на своем пути, оставляя после себя лишь развалины.

Сигаретный дым легким облаком окутывал ветви ближайших деревьев, которые заслоняли собой все, кроме небольшого огородика внизу. Чьи-то заботливые руки выращивали овощи и немного цветов, видимо, чтобы скоротать время.

Женщина докурила, нашла в шкафу чью-то старую кружку и отправила в нее окурок. Неизвестно, сколько недель, месяцев или лет придется здесь прожить, прежде чем удастся купить собственное жилье и обзавестись новыми вещами. Она обошла другие комнаты, попутно включая свет и разглядывая рваные обои, обшарпанную мебель и огромный слой пыли, возвышающийся над каждой поверхностью.

В дверь постучали.

Женщина с неохотой прошла в коридор и отодвинула тяжелую дверь. Перед ней на коврике стояла достаточно взрослая гостя с пирогом в руках.

- Вечер добрый! Евдокия Матвеевна я, - приветливо проскрежетала она.

Присмотревшись, женщина поняла, что госте не меньше восьмидесяти лет, если не старше. Сухонькая старушка была облачена в джинсы и водолазку, а длинные седые волосы тугим хвостом стягивали морщинки к затылку.

- Вот пришла, познакомиться хотела... У нас заведено так, по-людски, - продолжила старушка. - Пирожок вот испекла, к чаю, - она протянула руки вперед.

- Здравствуйте, - ответила женщина вежливо, но в отрешенности. - Ну, раз заведено... Меня Наташа зовут. Проходите. Не уверена, что у меня есть чашки и чай, я только недавно зашла.

- Да ничего, ничего, - подмигнула старушка и сделала шаг в квартиру. - У советского человека всегда все при себе. А кипяточек - он в каждой квартире найдется. Разреши не разуваться, а? А то у тебя тут так пыльно!

Наташа посторонилась, пропуская Евдокию Матвеевну, а затем с усилием закрыла дверь.

- Да, придется здесь наводить чистоту, - вздохнула Наташа. - Вы из какой квартиры?

- А прямо над тобой я живу, - Евдокия Матвеевна поставила душистый пирог на стол и стала искать чашки по шкафам. - Ой, опять табаком тянет. Или это ты балуешься? - обернулась она с прищуром.

- Я, - виновато улынулась Наташа.

Старушка покачала головой и продолжила собирать на стол. Движения ее были порывистые, быстрые, но четкие, как будто она всю жизнь заходила к чужим людям на кухни и знала, где и что искать. Наташа решила не мешать и устроилась за столом.

- Я с самого начала тут обитаю, как дом выстроили. Самая старая тут жительница, считай. Ну, может, еще парочка таких древностей, как я, осталась... Остальные все понаехали. Снимают.

Евдокия Матвеевна поставила все принадлежности на выцветшую скатерть, быстро разрезала пирог и тоже села за стол.

- Так много? В подъезде двадцать квартир, и все снимают. Откуда столько? – жуя, удивилась Наташа.

- А чего удивляться? Москва большая – всем надо где-то жить. Вон ты – и тебе уж далеко за тридцать, а тоже снимаешь, - Евдокия Матвеевна отхлебнула чай из блюда.

- Далеко, - улыбнулась Наташа.

- Ну вот, и я об чем. Приезжая?

- Нет. С мужем развелась, а свою квартиру пока не купила.

- Запойный, что ли?

- Нет, - засмеялась Наташа. – Загульный.

Она смеялась, а в груди гудела огромная дыра от предательства и лжи. А еще от того, что благоверный оставил ее без средств к существованию.

- Все еще будет, не горюй. Поправиться бы тебе только, а то тощая, как приведение, - старушка с шумом отхлебнула чай. – А дети? С ним, что ли?

- Нет, они уже совершеннолетние и вольны сами делать выбор. Хотя это их не касается.

- Детей всегда касается, что происходит с их родителями, - вдруг серьезно сказала Евдокия Матвеевна.

- А у вас есть дети?

- Дочка у меня. Они с внуками недавно в штаты подались, теперь иностранцы. А муж помер лет двадцать назад.

- А вы что же не уехали?

- А куда мне? Я корнями тут выросла. Каждая плитка под ногами – как знакомый сосед. Тут моя жизнь.

- И вы одна здесь?

- Одна. И ты видишь, как я обустроилась? С соседями чай пью, внизу овощи выращиваю. И для души, и для тела дело нашло. На подоконниках в подъезде - тоже мои цветы, - гордо сказала старушка.

- Так это ваше творение? Красота.

- Тружусь потихоньку. Ты, небось, в офисе сидишь?

- Да, я – бухгалтер.

- И не скучно тебе весь день в кресле сидеть?

- Бывает, но я не жалуюсь. Мне нравится.

Беседа мирно текла в неизвестном направлении, оголяя маленькие факты о двух людях, которые полчаса назад и не подозревали о существовании друг друга. Евдокия Матвеевна испекла поистине вкусный пирог. Вечерело, а гостя все еще сидела напротив и пила чай. Наташа разглядывала ее лицо, полностью лишенное румян, и руки с сухой кожей и не понимала, как в таком возрасте можно сохранить любовь к жизни, к людям, к движению, в конце концов. Может, это советское воспитание?

- Муж у меня на заводе работал. Очень любил нас с дочкой. Но простыл, видишь, как жизнь складывается, - рассказывала старушка. – А я медсестрой служила, хотела определить его по знакомству, чтоб подлечили, но он уперся. И оставил меня.

Наташа не нашлась, что ответить, лишь неопределенно угукнула и посмотрела на сигареты, лежащие на окне. Видимо, старушка сообразила, что засиделась, поэтому стала собираться домой. Пирог был съеден, чай выпит, а Наташа вдруг поняла, что совсем не устала от внезапной гостии. В груди все еще зияла дыра, она никуда не делась, но маленькая капля поддержки оказалась как нельзя кстати.

Старушка ушла, а Наташа осталась в пустой пыльной квартире один на один со своими демонами. Время было еще детское, поэтому она принялась за уборку, так как спать в пыльной комнате вовсе не хотелось. Время приближалось к полуночи, когда она продолжала возиться со спальней. Видимо, арендодатель решил, что нужно выставить самую низкую цену, тогда и убираться не будет необходимости.

Впереди маячило утро понедельника. Наташа выкурила на ночь сигарету и легла спать. Кровать оказалась мягкой, но в эту ночь сон не шел. Наташа постоянно просыпалась от каких-то звуков. Казалось, пятиэтажка жила собственной жизнью, и даже ночью не прекращала свои процессы. Утром она ушла на работу невыспавшаяся и разбитая.

Кое-как поднявшись на свой этаж после трудового дня, с полными сумками провизии, Наташа хотела уже открыть дверь и провалиться в сон, но замерла. Перед дверью лежал все тот же коврик, но весь покрытый грязью, как будто на нем танцевала рота солдат после полевых испытаний.

Справившись с шоком, она все же открыла дверь и затащила коврик в ванную комнату. И бросила его там.

- Сначала я посплю, - пробормотала она и уже было отправилась в спальню, но в дверь постучали.

- Черт, - тихо выругалась Наташа.

- Наташенька, здравствуй, - проскрежетала Евдокия Матвеевна. – У тебя соли не будет? А то я уже тесто замесила, хватить – а соли-то и нету!

- Конечно, Евдокия Матвеевна, сейчас принесу, - сказала Наташа и пошла на кухню.

- Я смотрю, ты не убиралась, - сказала старушка, внезапно появившись сзади.

- Я вчера только спальню успела отмыть. Столько пыли, - ответила Наташа, подпрыгнув. – Держите соль.

- Спасибо! Пойду я, а то тесто ждать не любит! – потрясла она трофеем и удалилась.

Наташа на полусогнутых ногах закрыла дверь и позволила себе часик поспать, а затем снова принялась за уборку. В этот раз дело пошло быстрее: квартира сияла чистотой, а коврик из ванной перекочевал обратно на лестничную клетку, лишившись своей грязи. Наташа выкурила свою традиционную сигарету перед сном и отправилась в кровать, в надежде все-таки выспаться, но этому не суждено было сбыться. На рассвете она проснулась от грохота за окном. Прямо на карнизе все голуби этого района собрались, чтобы встретить восход солнца. Иначе как объяснить их количество? Они дрались, хлопали крыльями, врезались в стекло, а главное, производили шума столько же, сколько производит стадо коров с бубенчиками.

Наташа стояла около окна и не верила своим глазам. Она пыталась разогнать всю эту вакханалию, но через некоторое время голуби слетались снова. Ей ничего не оставалось как уйти на кухню, открыть окно и покурить, но и там сумасшедшие птицы уже все оккупировали. Оставшееся время до работы Наташа ловила голубей по квартире, случайно залетевших в нее, когда без сигареты жизнь казалась обреченной.

Вечером Наташа снова приползла с работы еле живая. Удивительно, но рана в груди отошла на второй план. Глаза слипались, а голова была чугунная, словно в нее забили десятки гвоздей. Хотелось просто выжить.

Одно радовало. Дома был порядок. Не нужно было скакать и отковыривать грязь со всех поверхностей. Можно было лежать. Просто лежать. Без мыслей и пугающих раздумий.

Вечер действительно прошел тихо. Правда, пока Наташа ужинала, увидела пару тараканов, но это не беда. Беда началась, когда в дверь постучали.

Наташа открыла дверь.

- Наташенька, на тебя тут жалобу кто-то председателю написал, – начала Евдокия Матвеевна.

- Чего? – опешила Наташа. – Какую жалобу?

- Пишут, мол, мусор кто-то под окнами бросает. Окурки, значит.

- Но я не выкидываю окурки в окно!

- Я так и сказала председателю! Не могла она! Я же сама видела, что ты в чашку их сваливаешь.

- Идиотизм, – буркнула Наташа. – Спасибо вам, Евдокия Матвеевна! Хотите чаю?

- Можно.

Они прошли на кухню и занялись своими привычными делами: Евдокия Матвеевна снова сама ставила чайник и искала чашки, а Наташе оставалось только тихо наблюдать за ее отточенными движениями.

- Я сразу Петровичу велела порвать ту бумагу, – продолжала старушка скрипучим голосом. – Эка невидаль, окурков накидали! Сейчас молодежь пошла! Под каждым окном толпятся, не поймешь, кто чего делает. Наверняка, они и раскидали.

- Наверное, – вздохнула Наташа.

- А ты чего такая смурная? Случилось чего? – нахмурилась Евдокия Матвеевна.

- Не высыпаясь я что-то. То одно, то другое, – зевнула Наташа.

- А, ну так это не беда. Сейчас чай допьем, и ложись себе, – махнула она рукой. – Я тебе мятки занесу, после нее спится, как в молодости после танцев.

- Спасибо, – улыбнулась Наташа.

Евдокия Матвеевна довольно скоро принесла пучок мяты с собственного огородика и, прежде чем удалиться восвояси, вдруг около двери сказала:

- Наташ, это ты коврик-то так измучила? Почистила бы что ли...

Наташа опустила глаза вниз и обомлела: идеально вычищенный коврик снова был похож на грязную вонючую кучу с солдатского полигона.

- У нас в подъезде живут дети? – спросила она у старушки.

- Живут, конечно. Куда же без них, – охотно ответила та.

- Понятно. Поймаю я их, потом посмотрим, кто будет смеяться, – пробурчала сквозь зубы Наташа.

Немного повозмущавшись, соседки разошлись по квартирам. Наташа заварила принесенный пучок мяты, но так и не выпила, потому как уснула без задних ног прямо за столом, сложив голову на выцветшую клеенку. Среди ночи она все-таки перебралась в кровать, когда внезапно очнулась от задеревеневшего тела. Рассвет она встретила под дружные танцы голубей на подоконнике. На этот раз то ли голуби были тише, то ли накопившаяся усталость не давала даже возможности возмутиться – шум доносился как будто издалека.

Наспех собравшись, Наташа поскакала на работу, попутно вляпавшись в какую-то дрянь на ручке двери. Уже на лестнице, когда она рылась в сумке в поисках салфетки, она услышала разговор соседей, которые также шли на работу.

- И ведь понимаешь, я же не сошла с ума. У меня в квартире постоянно чем-то воняет, что-то грохочет, а главное, ко мне через день ходит участковый! Говорит, на меня соседи жалуются! Хоть бы один лично пришел!

- И у меня какая-то чертовщина. Может здесь место проклятое? Нужно на другую квартиру съезжать, однозначно.

Весь день на работе ее одолевали мысли: об услышанном разговоре, об усталости, о странностях, которые происходят. Чисто теоретически, одна в пустой квартире она должна была привести расшатанные нервы в нормальное состояние, но план терпел сокрушительное фиаско. Какие, к черту, курсы танцев или гончарного мастерства? Она элементарно не могла выспаться!

Наташа, как обычно в обед, позвонила сначала дочери, а потом и сыну. За них можно было не переживать: дети давно научились о себе заботиться, а также друг о друге, если того требовала ситуация.

- Мамуль, давай тебе скрытые камеры поставим у двери? Элементарно, Ватсон! Будешь онлайн смотреть фильм о злостных нарушителях, - сразу предложил Максим, когда услышал рассказ матери.

Конечно же, Наташа хотела.

Максим сам все купил и установил этим же вечером, Наташе оставалось только смотреть в монитор с чашкой чая в руках.

К сожалению, или к счастью, этим вечером лестничная площадка не привлекала интереса лиц хулиганской наружности. Несколько соседей сновали туда-сюда с пакетами еды, Евдокия Матвеевна бодро семенила с лейкой, поливая цветы на окнах, а детей и вовсе не было видно. Выкурив по традиции сигарету перед сном, Наташа легла спать.

Утро четверга встретило головной болью и несколькими десятками глаз голубей. Фобия, подразумевающая, что где-то в мире существует утка, которая за тобой следит (да-да, есть такая фобия), превращалась в вариант, где за тобой следят голуби.

Наташа разогнала надоедливых птиц и осмотрела подоконник. К удивлению, она обнаружила несколько пшеничных зернышек, которые не успели проглотить. И это на третьем этаже!

- Это все смахивает на паранойю, - пробормотала она под нос и отправилась на работу.

Дверь в квартиру приветствовала Наташу пыльным ковриком, который уже не удивлял. В ее жизни, кроме сигареты на ночь, появилась вторая традиция – отчищать дверной коврик от кучи грязи. Вот только вторая традиция абсолютно не радовала, а даже наоборот, раздражала.

Закрыв за собой дверь, она устремилась к ноутбуку. На этот раз она поймает детишек с полочным!

Сначала на видео ничего не происходило. Также прошли несколько соседей, Евдокия Матвеевна семенила с лейкой, а детей так и не было видно. Наташа закурила. Старушка на видео монотонно поливала цветы, обрывала сухие листики и складывала к себе в карман. Затем она поднялась выше, видимо, к себе.

Наташа уже хотела нажать на паузу, чтобы хотя бы приготовить себе ужин, но тут заметила движение: на видео сверху спускалась Евдокия Матвеевна со свертком в руках. Подойдя к двери Наташи, она отодвинула коврик, положила на его место принесенный, грязный, а тот забрала к себе наверх.

Мысли об ужине улетучились сами собой, как будто их никогда и не было. Наташа замерла перед картинкой, не в силах пошевелиться или хотя бы моргнуть. Она знала людскую натуру, понимала, что в любой момент времени человек может подвести другого человека просто так, без причины, но не была готова столкнуться с откровенным вредительством от старушки, которая добродушно улыбалась в глаза и пила с ней чай.

Тем временем на видео снова обозначилось движение: Евдокия Матвеевна подошла к одной из четырех квартир на этаже и поводила мизинцем левой руки по дверному глазку, затем подошла ко второй и средним пальцем той же руки поводила по ручке, а под третью дверь правой рукой она что-то выдавила из тюбика. И бодро посемила домой.

Наташа с шумом выдохнула и схватилась за голову. Злости не было, нет. Это было огромное чувство непонимания и шока, которое бродило по телу, не зная, где остановиться. Она

настолько потеряла связь с миром, что даже не заметила, что старушка выжила из ума. А если она захочет ее поджечь?

Наташа встала из-за стола и направилась на этаж выше. Скандальничать с Евдокией Матвеевской не хотелось, но желание еще раз посмотреть ей в улыбающиеся глаза пересиливало. Она нажала на звонок, но он не сработал. Тогда она постучала и приготовилась ждать.

Спустя некоторое время раздалось еле слышимое шуршание, затем дверь осторожно приоткрылась, а в проеме через цепочку показалось удивленное лицо старушки.

- А-а! Наташенька! Здравствуй! Что стряслось? – Евдокия Матвеевна распахнула дверь, морщинки у ее глаз собрались в длинные глубокие лучи, а сухие губы растянулись в улыбку.

Она вышла на площадку, захлопнув за собой дверь.

- Здравствуйте, Евдокия Матвеевна, - медленно проговорила Наташа, внимательно всматриваясь в ее лицо. – Да вот, хотела узнать, как у вас дела, давно вас не видела.

- Какие у меня могут быть дела? – засмеялась старушка. – Огородик полила, травку подергала, на почту сходила, - так и день прошел. Ты-то как, красавица? Все работаешь... А у меня пирог скоро поспеет! Давай-ка я дождусь его, а потом к тебе на чай приду?

- Честно говоря, я дихлофосом там все набрызгала, - не моргнув глазом, соврала Наташа. – Мошки откуда-то налетели, спать не дают. Пригласите на чашечку чая?

- Ох, - Евдокия Матвеевна явно не была готова к такому повороту. – Идем, конечно. Давно у меня гостей не было, - она развернулась и открыла дверь, запуская Наташу в коридор. – Держи тапочки.

Наташа переобулась и пошла вглубь квартиры за старушкой. В нос ударил тонкий аромат ландыша, который накладывался на ветхий нафталиновый шлейф. Проходя мимо зала, Наташа заметила немного обветшалой мебели, покрытой вязаными салфетками, разноцветные ковры на стенах и полу, старую стенку с поехавшими дверцами. Стены украшали пожелтевшие от времени обои с цветочным узором, а под ногами лежал выцветший линолеум с поскрипывающей под ним фанерой. Кухня была тоже с бледно-зеленой плиткой, как у Наташи, только аккуратно вычищенная. В углу стоял одинокий сервант со старым сервизом, который сейчас и доставала хозяйка. Она делала все в молчании, как будто не принимала гостей очень много лет.

- Евдокия Матвеевна, - начала Наташа, устроившись за столом. – Я... Я не знаю, как начать.

- Что стряслось? – развернулась к ней старушка с участием.

- Я... Кхм... Мне показалось, что у нас с вами за эти дни создались доверительные отношения...

- Так и есть, - с готовностью кивнула старушка, держа чашку двумя руками у груди.

- У меня стали происходить странные события, и я поставила скрытую камеру, - Наташа говорила так, как будто боялась обидеть ее. – Я рассчитывала поймать детей, а увидела вас. Зачем вы все это делаете? – под столом Наташа крепко сжала свои руки.

Евдокия Матвеевна несколько секунд переваривала услышанное, затем поставила чашку и серьезно посмотрела на Наташу:

- Наш подъезд – одна большая семья. Мне не все равно, с кем жить рядом. Ты – неблагонадежный сосед, тебе не место здесь.

- Как это? Почему я неблагонадежна? – опешила Наташа.

- Один человек может загубить жизнь нескольким невинным людям, - сухо ответила старушка. – У тебя же полно недостатков. И с сигаретой ты можешь заснуть, и от мужа ушла, и свет у тебя постоянно включен – одни расходы. И это я молчу про остальное!

- Вы серьезно? – возмутилась Наташа. – Только из-за этого вы решили, что имеете право заниматься вредительством?

- Благонадежные люди должны жить в другом месте, - стояла на своем старушка.

- Да где вы взяли критерии благонадежности?! – не выдержала Наташа. – Я же могу заявление на вас написать!

- А я об чем? Все неблагонадежные только и могут, что заявления писать, - старушка вздохнула и села за стол. – Давно это было, еще до войны. Родители жили в старой коммуналке около Арбата. Мама работала в детской библиотеке, а папа на заводе, - глаза старушки остановились на собственных руках, сложенных на столе. - Он ходил в очках, аккуратно брился и выглядел с иголочки, а в уголке комнаты стояли тома Шопенгауэра и Гегеля. Этого оказалось достаточно. Сосед по коммуналке написал на него донос, обвинил в шпионаже и Бог весть в чем. Через неделю за папой приехал черный ворон.

Наташа молчала, смотря на мелкую дрожь сухих морщинистых рук.

- Мать пыталась добиться встречи с мужем, но после этого и ее забрали, - продолжила старушка тихим голосом. – Мне было шесть лет, а брату – десять. Нас определили в разные специнтернаты. Для детей врагов народа. А родителей вскоре расстреляли, - ее голос дрогнул. – Шурочка, говорят, умер от пневмонии, я потом узнала, уже после шестидесятых годов. Я выросла в холоде и постоянной вине за своих родителей. Окончила ремесленное училище, работала санитаркой, а после доклада о культе личности и реабилитации родителей смогла стать младшей сестрой. Я все узнала о родителях, что их жизнь оборвал какой-то забулдыга. Ну а дальше ты знаешь. Я же ездила к нему, да-а-а! Хотела узнать, за что? – глаза старушки сверкнули ненавистью. – Знаешь, что он мне ответил? Тесно ему было!

Старушка хлопнула рукой по столу, от чего Наташа подпрыгнула. В ее глазах стояли слезы.

- Получается, вам уже за девяносто? – вдруг осознала Наташа.

- Получается. Родители передали отличное здоровье, а их загубили, - поджала губы старушка.

- Евдокия Матвеевна, - начала Наташа и хотела дотронуться до рук старушки, но та вырвала их и отвернулась.

Наташа вернулась к себе. Жить в постоянном сражении не хотелось, но и перевоспитывать старушку было уже поздно. Да и зачем. У нее своя правда. Своя жизнь. Долгая и тяжелая.

Утром Наташа собрала чемодан.

Сварочная маска

Однажды в цехе №3 Механообрабатывающего завода №1017ПЭ появился Антон Олегович – новый сварщик. Его приход не сопровождался фанфарами или речами начальства. Никто не устраивал торжественных представлений или особых приветствий. Он пришёл тихо, словно тень, как будто просто оказался не в том месте и не в то время - совершенно случайно, без пафоса и помпы. Его появление было почти незаметным, но тем не менее странным образом ощутимым.

На вид ему было около сорока, может, немного больше. Пронзительные, внимательные глаза под густыми бровями не скользили по людям, а будто аккуратно ощупывали всё вокруг, цепляясь за детали. Он глядел не исподлобья, не оценивающе, а как бы изучающе, с лёгким, едва заметным интересом. Его тонкие усики, аккуратно подстриженные, не скрывали, но как будто обрамляли добродушную, усталую, но всё же настоящую улыбку, которая почти постоянно играла на его губах. Эта улыбка делала его лицо каким-то домашним. Он умел смотреть: чуть дольше, чем принято, но не вызываяще. Не в упор, не нахально, а скорее тепло, словно пытался увидеть в человеке что-то важное.

Антон перевели с другого завода. Причины перевода никто толком не знал, но и не особенно интересовался. Он пришёл с аккуратно прошитой трудовой книжкой, в которой стояли записи о его прежней деятельности: награды, благодарности, грамоты. Среди них - за добросовестный труд, за перевыполнение планов, за участие в конкурсах профмастерства. Помимо трудовой он принёс с собой толстую, поношенную тетрадь в сером переплёте, которая явно прошла через многое. На вопрос о ней он улыбался и говорил, что это - черновики к будущей книге, которую он вот-вот начнёт писать. Может быть. А может, и нет. Он вообще был человек с юмором - тонким, спокойным, без напора. Шутил негромко, почти на грани слышимости, так, чтобы если ты услышал и улыбнулся. И если не услышал - ничего страшного. Он не настаивал. И не обижался.

Цех №3 - это не был офис с кондиционерами, стеклянными перегородками и кофемашинами. Это было суровое место, где работали настоящие мужики. Те самые, которые могли поднять двигатель без лебёдки и сварить два куска титана, даже если сварочник троит. Люди, у которых руки были мозолистыми, а речь грубой. И при этом среди них работало несколько женщин, и эти женщины могли не только держаться наравне, но и легко положили бы любого на лопатки.

Новенькие здесь не проходили «введение в должность» или корпоративные тренинги. Здесь была своя школа. Свои законы. Любой новый человек попадал в поле зрения, и сразу же начиналась проверка - незримая, но очень ощутимая. Эти проверки были разными, но почти всегда жёсткими, грубыми, иногда даже жестокими. Нужно было доказать, что ты не сломаешься, не сбежишь, не будешь ныть. Только пройдя через это, можно было начать рассчитывать на признание, на место в коллективе. Первый месяц здесь называли «карантином» - и не случайно. За это время слабые просто сами исчезали, собирали вещи и уходили молча, с потухшими глазами. Не выдерживали напряжения и давления. А дерзкие, пытавшиеся строить из себя кого-то важного, обычно получали в морду. Буквально. Один раз. И либо исправлялись, либо шли следом за слабыми.

Антон не дерзил. Он никому не перечил, не вступал в споры. Он смотрел на собеседника, слегка наклоняя голову, и иногда почти незаметно кивал. Не для того, чтобы поддакнуть, а чтобы показать: я слышу. Он соглашался чаще, чем возражал, и, что странно, это вовсе не вызывало раздражения.

С коллегами он держался ровно: с уважением, без панибратства. Он никого не задира, не рвался в «лидеры мнений», но и не держался в стороне. Просто разговаривал, если с ним

говорили. Отвечал, если спрашивали. Не пытался влиться в коллектив, как это часто делают новенькие. Нет. С ним было легко, потому что он как будто знал, где проходит граница между вежливостью и фамильярностью. И, как ни странно, он, похоже, знал, о чём говорят люди даже тогда, когда физически не присутствовал при разговоре. То ли слух у него был особенный, то ли память феноменальная, то ли просто ум острый, как лезвие. Он слушал, смотрел и складывал всё в своей голове.

Через две недели, всего через две рабочих недели, с ним уже обедал мастер смены в местной заводской столовой. Это было непривычно: мастер не был из тех, кто сходу принимает людей. Обычно нужно было хотя бы месяц держаться без косяков и без лишних слов. А тут сел рядом, взял котлету с макаронами, неловко пошутил, а Антон улыбнулся, и разговор сам собой пошёл. Спокойный, почти бытовой. Через месяц его уже приглашали на шашлыки. Причём не один раз. Пару раз его даже просили забежать по дороге за углём или прихватить маринованное мясо. Это был знак. Значит, доверяют. Значит, не чужой.

А ещё через полтора месяца - всего каких-то шесть недель - он уже знал почти всё, что происходило в цехе и вокруг него. Кто с кем спит - и не просто догадывался, а знал с подробностями. Кто что тянет домой - от пачек электродов до целых мотков кабеля. Кто прикрывает, а кто доносит. Кто когда пьёт, с кем дерётся, у кого дома проблемы. Он знал, кто прячет деньги от жены, кто мечтает уволиться, но боится, кто тайно сдаёт металл в пункт приёма, а кто просто ворует по мелочи. Но при этом никто не чувствовал себя под прицелом. Никто не воспринимал Антона как угрозу. Все считали его «своим мужиком». Он ведь и на вид был не вызывающим: скромная спецовка, аккуратный ящик с инструментами, неизменная тетрадь, в которой он что-то записывал в обеденные перерывы.

Первым насторожился Паша. Старый сварщик, работал в цехе больше десяти лет. Немного нелюдимый, сдержанный, но крепкий профессионал. Он не любил пустую болтовню и не доверял тем, кто слишком быстро вливается в коллектив. У него была своя система наблюдений - молчаливая, как и он сам. И он заметил, что Антон иногда путал детали, когда рассказывал что-то о разговорах, в которых, казалось бы, не участвовал.

Паша не делал поспешных выводов. Он просто начал за Антоном приглядывать. Молча, издали. И чем больше наблюдал, тем больше чувствовал: что-то не сходится. Вроде всё правильно, а внутри скребёт.

Например, Антон рассказывал:

- Да, мастер говорил, что у Витальки швы кривые, но ничего, подтянет.

На самом деле, Виталька озвучивал это сам, а мастер просто стоял рядом.

Или:

- Я вроде слышал, как Лариса жаловалась, что ты ей не подписал служебку.

Хотя Лариса просто спросила, не видел ли кто ручку.

А еще:

- Петр Михалыч так накричал на бедного студента, отругал за какой-то пустяк, аж стены ходуном ходили. Наверное, нервы стали ни к черту. Не мудрено, столько лет работает. Волнуется, что на его место придут молодые.

А студент нарушил технику безопасности и мог остаться без рук.

Иногда Антон интересовался чем-то личным, доверительно положив руку на плечо. Или, наоборот, делился собственными мыслями про руководство и добавлял собственные умозаключения, основанные на «фактах, озвученных другими людьми», которые сам же и переврал. Так, крановщица с затекшей спиной превратилась не просто в матерщинницу, а в бедняжку с тяжелой судьбой.

Это были мелочи, но Паша знал: именно из таких мелочей собираются подковерные войны. Однажды он озвучил свои мысли другим:

- Этот улыбается, а сам... схемы стоит.

Но в ответ услышал:

- Да ладно тебе. Ты просто не любишь новеньких.

Паша не стал спорить, так как не любил это дело, но решил наблюдать.

А тем временем Антон начал «случайно» - именно случайно, как бы мимоходом, без всякого напора - помогать начальнику участка. Помощь его не была навязчивой, не походила на попытку выслужиться. Он не носил бумаги, не предлагал открыть ему личный кабинет, не брал на себя лишнего. Всё было гораздо тоньше, мягче, неприметнее. Он просто проходил мимо, останавливался на секунду и говорил что-то вроде:

- А вы знаете, Сашку бы лучше к третьей линии - он там быстрее идёт. У него рука набита.

Или:

- У Машки рука болит, она не жалуется, но я видел - еле зажим держит. Может, сменить бы её?

Он не давал советов открыто, он просто озвучивал наблюдения. Как бы между делом, из заботы. Никогда не критиковал в лоб, не жаловался. Говорил только то, что можно было сказать вслух, и только в форме «мнения». Его слова всегда были окрашены заботой, вниманием, интересом. Будто он действительно беспокоился не только за производительность, но и за людей. Иногда с неподдельным восхищением говорил о чьей-то работе:

- Ты видел, как Серёга шов ведёт? Прямо как по линейке!

А иногда мягко, по-дружески, без осуждения, указывал на промахи:

- Слушай, Гена, вот здесь сварка вспучилась. Может, ток сильный? Или рука дрогнула? Такое бывает. Ничего страшного, но лучше переделать, тебя потом же и дёрнут.

Антон был всё время чем-то занят. Он не сидел, не стоял, не искал поводов отдохнуть. Он всё время двигался: варил, переносил, заглядывал, слушал, предлагал, подсказывал. Казалось, что он одновременно участвует в нескольких делах. Он вникал, советовал, сравнивал, говорил, но никогда не «влезал» туда, куда его явно не звали. Всё делалось изнутри, по-доброму.

Постепенно всё начало меняться. Его советы становились всё более востребованными. Его тихие наблюдения всё чаще принимались к сведению. Его неофициальные замечания становились поводом для реальных управленческих решений. Количество сваренных им деталей заметно сократилось, но никто на это не обратил внимания. Напротив, чем меньше он варил, тем больше его ценили. Потому что теперь он был нужен не только как сварщик. Он стал чем-то вроде неформального координатора, внутреннего аналитика. Без должности, без формального статуса, но с влиянием.

Несколько раз ему аккуратно намекали, что пора бы подумать о повышении. Один из инженеров даже напрямую сказал:

- Антон, ты бы справился. Ты людей понимаешь, ты не рвёшься вперёд, а думаешь. Это сейчас редкость.

На что Антон, как всегда, только махал рукой, чуть отстраняя от себя разговор, и с мягкой улыбкой говорил:

- Да вы что, ребята. Какой из меня начальник...

Потом началась реорганизация. Завод встал перед трудным выбором - сокращения, оптимизация, слияние участков, перераспределение функций. Шли совещания, менялись списки, цеха гудели, как потревоженные ульи. Люди нервничали: каждый ждал, что скажут ему. Кого переведут, кого поднимут, кого - уволят.

И в этой турбулентности Антон вдруг стал неформальным центром консультаций. Он слушал. Смотрел. Отвечал уклончиво, но уверенно. Он не давал обещаний, не строил иллюзий, но говорил своё мнение так, как будто оно уже почти решение. И это почему-то успокаивало. Люди чувствовали: если он говорит, значит, не просто так. А если молчит - тоже не просто так.

Паша - тот самый сварщик с характером, человек не глупый и наблюдательный - снова заметил кое-что странное. Он видел, как несколько человек, раньше люто враждовавших, бук-

важно матерившихся друг на друга, теперь начали сидеть рядом на перекурах. А ведь раньше и смотреть друг на друга не могли. И всех этих людей теперь объединяло одно: они по очереди «советовались» с Антоном. Как будто он аккуратно, по одной ниточке, склеивал всех в новую структуру. Неофициальную, без названия. Но крепкую. И главное - спокойную. Удивительно, но с исчезновением открытых конфликтов работа в цехе пошла быстрее. Меньше сбоев, меньше брака, меньше ругани. Начальство даже подумало, что это результат новой политики. Хотя Паша-то знал: всё началось задолго до приказов сверху. Всё началось с Антона. И в этом была какая-то почти математическая точность. И что-то неуловимо странное.

Внезапно, без предупреждений и предварительных симптомов, мастер цеха заболел. Серьёзно. Сначала говорили - простуда, потом - что-то с бронхами, но в итоге выяснилось: всё гораздо хуже. Он лёг в больницу, и, по всей видимости, надолго. В цехе это стало событием. Старики шептались, мол, место мастера хлебное, но сложное. Молодёжь гадала, кто теперь будет рулить, хотя в открытую об этом не говорили.

На время - именно на время - исполняющим обязанности поставили Антона. Решение приняли быстро, без долгих совещаний и шума. Как будто и не было другого кандидата. Хотя были. Не один. Были сварщики со стажем, с характером, с амбициями. Но поставили его - того самого, кто ещё недавно был новичком.

С этого момента в Антоне изменилось что-то едва уловимое. Его внешность осталась прежней: всё тот же аккуратный, не суетливый человек с лёгкой улыбкой и пронзительным взглядом. Он не начал носить костюм или командовать в громком тоне. Он всё также ходил в спецовке, не повышал голос, не менял привычек. Но улыбка стала немного другой: увереннее, устойчивее. Она не стала шире или агрессивнее, нет, просто в ней исчезла та мягкость, что раньше скрадывала внутреннюю силу. Она стала как бы подпитана изнутри. По тону его голос звучал всё так же спокойно, доброжелательно, без давления. Но теперь за этим тоном ощущалась новая энергия: не сила давления, а сила контроля.

Он ничего не приказывал. Он говорил, как будто рассуждал. Люди подчинились. Подчинились не из страха, не из подхалимства. Потому что не было причин сопротивляться. Не было боли, давления, несправедливости. Всё, что он предлагал, казалось разумным. Удобным. Продуманным. Антон не гнобил никого. Не наказывал. Не делал крайним. Он распределял задачи так, чтобы каждый чувствовал себя частью чего-то логичного и выгодного. У него получалось выстраивать систему, в которой все будто бы выигрывали. Или, по крайней мере, думали, что выигрывают.

У всех был выбор. Иллюзия выбора. Настоящая, как в детстве: брокколи или шпинат? Как будто тебя спрашивают. Но в любом случае - овощи. Так и в цеху. Сварщику предлагалось:

- Сделай отчёт сегодня, удержишься на полчаса, и всё, свободен. Или завтра до обеда, но под расписку.

Звучало как свобода. Но в результате отчёт был сделан. Всегда. И даже без лишнего напряжения. Хотя сварщик должен был варить, а не отчёты писать.

Через три недели цех уже гудел: пошли разговоры, что Антона могут назначить на постоянную должность. Кто-то сомневался, кто-то ждал. Но те, кто был ближе к нему, начали проявлять активность. Открыто поддерживали, расставляли акценты в разговорах, подчёркивали его подход, его систему, его харизму. Кто-то начал повторять его фразы, те самые уклончиво-умные, которые вроде бы ни о чём, а вроде бы обо всём. А некоторые даже начали подражать ему внешне: те же короткие усы, те же тетради в руках, те же спокойные жесты.

Антон ничего не подтверждал. Не говорил «да», не говорил «нет». Он вообще не говорил ничего определённого.

Даже его распоряжения - если их можно было так назвать - были не прямыми. Он не говорил: «Сделай это». Он говорил:

- А может, нам попробовать установить дополнительный стол между второй и четвёртой линией?

Он говорил это тихо, будто бы думая вслух. Но через пару минут несколько человек уже начинали двигать ящики, вытаскивать металлические ноги, искать ровную поверхность. И никто не спрашивал: «А кто сказал?». Все понимали - сказано.

Эта его манера работать, влиять и говорить делала невозможным сопротивление. Не из страха. А из ощущения, что всё это правильно. Что так и надо. Что по-другому - хуже. А если хуже, то зачем?

Антон постепенно стал не просто ИО мастера. Он стал воздухом в цеху. Прозрачным, незаметным, но необходимым.

Однажды Паша спросил его в лоб:

- Чего ты добиваешься?

Антон только пожал плечами:

- Порядка. Чтобы все по уму было.

- Ты ведь людей тасуешь, как фишки.

- Нет. Просто некоторые сами не знают, где им лучше.

- А ты знаешь?

- Я только наблюдаю и предлагаю, а выбор они делают сами.

Он улыбнулся. И в улыбке не было ничего злого. Но и наивного.

Мастера не вернули. Антона поставили официально. Рабочие были «не против», даже Паша ничего не сказал.

Новый порядок установился быстро. Расстановка изменилась. Те, кто не встраивался, ушли сами. Других изменили по расположению. И каждый считал, что это он оказался в выигрыше. Антон никому не говорил «нет». Он говорил: «Я подумаю!». И делал вид, что думает. А потом – расставлял все, как ему нужно.

Он никого не унижал. Ни криком, ни намёком, ни молчанием. Не давил авторитетом, не выставлял виноватым. Не делал резких движений. Всё только через разговор, через лёгкие фразы, через ту самую спокойную улыбку. Он никогда не позволял себе унижать даже в ответ на грубость. Если кто-то срывался, он мог выслушать, сделать паузу, а потом вдруг сказать что-то вроде:

- Ну, бывает. Все мы не роботы. Давай лучше вот что сделаем...

И человек, даже если пришёл с умыслом разнести всё в пух и прах, постепенно успокаивался. Терял инициативу. И соглашался.

Антон не выгонял. Даже тех, кто объективно тянул цех вниз. Он предлагал. Предлагал перейти, передохнуть, переформатироваться. Словно заботился. И отказываться было как-то... неловко. Потому что это не приказ, не давление, это, вроде как, доброе предложение. И от него не отказывались. Он создавал такие условия, при которых любое решение казалось своим. Даже если инициатива шла от него.

И делал он предложения, именно такие, от которых не отказываются. Они не звучали как «выгодные» или «непреложные». Они выглядели как единственно логичные. Как будто ты сам до них дошёл. Он словно подталкивал мысль собеседника к нужному решению, но делал это незаметно, почти ласково. И всё случалось.

Прошёл год. Тихо, без взрывов, без бурных реформ. Просто всё шло своим чередом. Но за этот год цех №3 стал образцовым. Повысился КПД, снизился процент брака, рабочие начали меньше спорить, стали лучше слышать друг друга. Логистика между линиями стала простой, как будто кто-то расставил всё заранее, а теперь оно само течёт по каналам.

Антон выдвинули на премию - «Лучшая производственная инициатива». Выступление его на собрании перед дирекцией было в духе самого Антона. Без блеска. Без громких слов. Без

лозунгов. Он стоял спокойно, не выпрямляясь до вытяжки, не строя из себя героя. И говорил просто:

- Главное - люди. Надо каждому дать то, что он хочет. Понять, в чём его мотивация. Кто-то хочет тишины, кто-то - признания, кто-то - просто чтобы не трогали. А если слышать, то управлять не нужно. Всё само встанет на место.

Зал аплодировал.

В самом цеху Антона уже не называли по имени. Не «Антон». А - «Антоныч». Это был уже не просто сварщик. Это был символ, фигура, авторитет. Кто-то произносил это с уважением, кто-то с лёгкой опаской. Но никто - с презрением. Потому что он не дал ни одного повода не уважать себя. Ни в словах, ни в действиях, ни в результатах.

Иногда, на перекурах или у чайника, кто-то вдруг срывался в полушёпоте:

- Да он же всех переиграл! Он же всё рассчитал заранее!

И почти всегда кто-нибудь отвечал спокойно, без раздражения:

- Ну и что? Главное, работает всё. И люди при делах, а не бегают в панике. Кто мешает тебе делать так же?

А где-то в дальнем углу цеха №3, на старом верстаке под пачкой техдокументации, лежала та самая тетрадь. Та, с плотной обложкой и загнутыми уголками. Внутри — аккуратный почерк, синие чернила. И на одной из последних страниц появилась новая запись:

«Манипуляция - это когда ты даёшь выбор, заранее зная, что выберут. Чем выше иллюзия свободы, тем крепче контроль».

Монополия на страдания

Колеса монотонно настукивали унылую мелодию по стальным рельсам. За окном мелькали лысые деревья среди заснеженных полей, с каждым километром приближая меня к месту встречи. Двадцать лет прошло со дня, когда мы окончили школу. Двадцать лет – как будто одна длинная и долгая зима, за которой не последовала весна. Многое изменилось, многое стерлось, а кое-что до сих пор болит. И тем не менее, я еду.

Забавно, но я до последнего сомневался, стоит ли ехать на встречу выпускников, крутил в голове, нужно ли мне это. И не из-за работы, нет. С ней как раз все хорошо, стабильно. И не из-за денег – билет на поезд не такая уж и роскошь. И не из-за семьи, которой теперь нет.

Нет. Я сомневался из-за одного человека. Из-за Жени.

Да-да, того самого Жени. Того, с кем я впервые подрался в песочнице из-за какого-то совочка, а через несколько минут уже держал за руку. Того, с кем мы пошли в первый класс, делили парту, тетрадки, яблоки и секреты. Именно он был моим первым настоящим другом.

А потом он начал болеть.

Он упал посреди урока математики, пока учительница выводила на доске уравнение. Сначала все подумали, что он шутит, ведь он и раньше шутил, устраивал мини-спектакли, умел изображать зомби и умирающих королей. Но Женя не вставал. Прибежала медсестра, за ней подтянулись и другие учителя, завуч, приехала скорая. Женю унесли на носилках. Проходя мимо учительской, я услышал:

- У него, кажется, что-то с сердцем. Врожденное. Очень серьезное.

После произошедшего он вернулся не просто мальчиком Женей, а «бедным Женечкой». Одноклассники приносили ему соки, учителя смотрели мягче. Он стал говорить тише и серьезнее, и ему внимали. Ему сочувствовали.

Но потом – спустя месяцы – сочувствие стало меняться на раздражение, мягкое и невыраженное. Когда он в сотый раз рассказывал про укол в живот. Или как у него от диеты начала болеть печень. А когда он приходил с освобождением от физкультуры, то был первым, кто бежал в столовку.

Затем раздражение стало привычкой. Люди привыкли, что Женя болеет. Он не просто болел, он жил в болезни, существовал в ней. И каждый учебный год приносил новую версию: в пятом классе было подозрение на бронхиальную астму, в шестом – что-то с почками, в седьмом – аллергия на мед, в восьмом он уехал в больницу из-за плохих анализов.

А я?..

Я просто был рядом, тепло улыбался и поддерживал.

Я слушал его истории про капельницы, про диеты без соли, про странные ощущения в груди. Он рассказывал, как будто делился тайной, а я кивал из вежливости и осторожности. Кто я такой, чтобы сомневаться в чужой боли? Моему другу нужна была поддержка.

Я никогда не перебивал, не спорил. Я и сам начал думать, что у него особая судьба, сложная и несчастная. И даже тогда, когда я видел, как через день после «криза» он смеется в спортзале и гоняет мяч, я ничего не говорил. На мой внимательный взгляд он просто махал рукой:

- Да нормально, уже отпустило. Я сильный!

И я опять молчал. Потому что понимал: может, он и правда верит в свою хрупкость. Может, ему это нужно.

Или... может, это был способ не оставаться в тени, потому что, когда он болеет, все смотрят только на него. И только тогда он чувствует, что живой. А я? А я просто был рядом. И продолжал исчезать.

Я хорошо помню, когда умер мой дед, я тогда учился в девятом классе. Он был для меня не просто родственником, а тем редким взрослым, который умел слушать, не перебивая. С ним я чувствовал себя настоящим, не дураком или учеником, а важным и нужным. Мы вместе ходили в парк кормить птиц, играли по вечерам в шахматы, и он всегда знал, когда промолчать, а когда рассказать веселую историю из своей молодости, чтобы стало легче.

Он умер внезапно. Инфаркт. Я не сразу понял, что происходит, а потом, когда осознание пришло, наступила тишина, болезненная и сдавленная. Я ходил по квартире, будто боялся спугнуть чей-то сон.

Утром я все равно пошел в школу, не знаю, зачем. Наверное, потому что никто не отменял обычной жизни. Или потому, что хотелось, чтобы кто-то заметил, спросил, поддержал. Ноги были ватными.

Женя стоял около шкафчиков и что-то воодушевленно рассказывал однокласснику. Я остановился рядом и тихо сказал:

- У меня вчера дед умер.

Он повернулся ко мне, замер на секунду, а потом кивнул, словно понял мою новость, и обнял меня. Легко и быстро.

- Жаль, - сказал он. – Серьезно. Прими мое сочувствие.

Я почувствовал тепло от этого объятия, как будто он действительно рядом. Мне даже стало легче на долю секунды.

Но потом он сделал шаг назад, посмотрел в сторону и вдруг сказал:

- А у меня всю ночь сердце колотилось, не мог заснуть. Такое ощущение было, что не проснусь. Стало так страшно. Я реально подумал, что это конец.

Я застыл.

Я только что открылся. Только что вытащил изнутри наружу настоящего себя, вытащил то, что болит. А он – опять туда, к себе, к своему телу, к своей боли.

Я ничего не ответил, просто промолчал, как будто слова во мне схлопнулись. Я почувствовал, что моя потеря ничего не весит и не сравнится с его болью. У него же сердце. А у меня – просто дед. Просто обычное горе.

И я снова стал тенью. Тенью рядом с ним.

Так продолжалось все наше детство. Каждый новый день повторял предыдущий, и мы будто жили в двух параллельных мирах. Он – с болезнями и врачами, а я – рядом.

Потом началась армия. Я пошел служить, как и все ребята нашего возраста, а он, конечно же, не пошел. Ему дали медотвод из-за постоянных проблем со здоровьем.

Пришло время института, и я пахал на нескольких подработках, чтобы оплатить общежитие и хоть как-то помочь семье. Каждый день после занятий я уставал, но все равно шел дальше – учиться, строить свою жизнь. А он в это время лежал в санаториях, проходил процедуры за счет государства. Его жизнь была устроена иначе.

И вот сейчас, спустя двадцать лет, я сижу в плацкартном вагоне, смотрю в окно на мелькающие деревья и заснеженные поля, и в голове всплывает момент, когда я перестал с ним говорить. Воспоминания накатывают огромным цунами, и я понимаю, как много осталось невысказанного.

Это случилось три года назад. Моя мать внезапно попала в реанимацию, врачи боролись за ее жизнь, а я не мог найти покоя ни днем, ни ночью. Я почти не спал и не ел, мои мысли были разбросаны и беспокойны. В это же время мой брак начал разваливаться: мы с женой все меньше понимали друг друга, а наша маленькая дочка почти перестала разговаривать со мной, чувствуя напряженность в доме.

В такой момент отчаяния – а это было именно оно – я написал Жене: «Мне тяжело. Поговорим?».

Он перезвонил почти сразу. Голос был усталым, но бодрым, будто пытался поддержать меня. Но минут десять он рассказывал о своих болезнях, о том, что у него, возможно, рак печени. Говорил о плохом анализе крови, и что врачи не дают никаких гарантий.

Я слушал, а внутри все сжималось. Наконец, я сказал:

- Жень, мне сейчас не до твоей печени.

Наступила тишина. Он замолчал, и в голосе послышалось удивление и непонимание. Он тихо спросил:

- Ты чего так?

Я не смог подобрать слов. Просто ответил:

- Не могу больше.

И отключился, положив трубку.

После этого я больше не писал ему, не звонил, не поздравлял с днем рождения. Просто исчез из его жизни, словно растворился. А он ни разу даже не поинтересовался, почему я перестал с ним общаться. Через общего знакомого я узнал, что он сказал обо мне: «Никитос что-то странный стал. У него, походу, крыша поехала».

Это было как удар. Как будто я стал больным человеком, с которым не стоит связываться.

На самой встрече выпускников мы столкнулись сразу же, буквально в первые секунды. Жень выглядел совсем иначе, чем в школьные годы: чуть лысоватый, в идеально выглаженной рубашке, с новым телефоном в руке. От него так и веяло успехом и уверенностью.

Когда он увидел меня, его губы мгновенно расплылись в широкой улыбке:

- Никитос! Сколько лет, сколько зим! Чего же ты пропал, а?

Жень говорил все с той же добротой, что и в детстве, также искренне и легко. Он обнял меня за плечи и хлопнул по спине, словно мы вернулись в те годы, когда все было проще.

Мы сели рядом друг с другом, как всегда, а не напротив. Все болтали, веселились, вспоминали школьные годы, как Жень упал, и все напугались, как он постоянно болел и нуждался в заботе. Он в ответ рассказывал о своей недавней страшной простуде с температурой 37,7, о том, как врачи снова нашли что-то в анализах, как назначили новые обследования. Все слушали, сочувственно кивали, понимали и жалели.

А я?

А я молчал. Я крутил в руке бокал с шампанским, к которому практически не притронулся, и не чувствовал ничего: ни гнева, ни жалости, ни боли.

Через некоторое время мы вышли в курилку, кто подышать «свежим» воздухом, кто – развеяться. Прохладный ветер пытался подлезть под одежду, но лишь потрепал волосы и исчез.

Жень вышел за мной и захлопнул дверь.

- Слушай, - начал он, стараясь звучать легко, - ты реально испарился. Я думал, что ты в какую-то секту ушел, или с ума сошел. Или, может, на меня обиделся?

Я глубоко вздохнул и наконец сказал:

- Да. Я обиделся.

- Серьезно? – он опешил, не ожидая такого откровенного ответа.

Я кивнул.

- Но на что? – негодовал он.

- На то, что всю жизнь меня как будто не было, - тяжело ответил я. – Как будто мои проблемы – ничто, по сравнению с твоими. Как будто мои чувства – ерунда, и у меня не может их быть. Ни чувств, ни проблем. Ты все время болел. Я рассказал тебе про смерть деда, а ты сразу начал говорить о сердце. Я пережил развод, а ты переключился на свою печень. Моя мать лежала в коме, а ты боялся, что у тебя рак.

Я говорил это без злобы и упреков, просто констатировал факты, которые годами накапливались внутри меня.

Он замолчал. Его лицо потемнело.

- Я не знал... - прошептал он дрогнувшим голосом.

- Не хотел знать, - поправил я. – Ты думал, у тебя монополия на страдания? И только твои проблемы важны и серьезны? Как бы ты ни болел, сколько бы проблем у тебя ни существовало, ты не единственный, кто может быть несчастным и нуждаться в поддержке.

Он отвернулся от меня, будто получил пощечину. Может быть, он искал слова, а может и нет. Я не ждал, что он что-то ответит. Я просто хотел, чтобы он услышал и наконец понял, что все эти годы я тоже был человеком, со своей болью.

На обратном пути я ехал в том же поезде, в том самом вагоне, где каждое качание и гул казались знакомыми звуками из далекого детства. Картина за окном оставалась прежней: все те же деревья мелькали среди полей, только теперь в обратном направлении. Попутчики пока не подсели, хотя итак в вагоне было шумно, но я не обращал на это никакого внимания. Впервые за долгое время я почувствовал себя ровно, как будто ту наковальню, которая сидела в груди, кто-то вырвал и закинул подальше. Не было ни горечи, ни боли, ни облегчения. Была гармония. Как будто все канаты, которые меня сдерживали, наконец перерезали. И сделал это я.

Подлинная боль

Марина просыпалась раньше всех, хоть и не работала. Просыпалась в тот самый момент, когда первые лучи утреннего солнца только собирались пощупать деревья и крыши домов. Когда птицы еще не начинали обмениваться новостями, встречая новый день. Когда свет, пробивающийся через занавески, еще не бывал солнечным, а каким-то тускло-серебристым, холодным и немного прозрачным. В этот самый момент Марина начинала медленно выбираться из постели, будто боясь нарушить хрупкое утро.

Она старалась не издавать ни единого мельчайшего звука, вкрадчиво пробиралась на кухню по темному коридору квартиры и прикрывала за собой дверь, чтобы не потревожить домочадцев. Если вы думаете, что она порхала бабочкой над скрипучим паркетом, то вы ошибаетесь: каждая ее мышца была обременена тяжестью, каждое движение давалось с трудом, как будто она пыталась пройти сквозь густую воду, преодолевая мощный горный поток. Тем не менее, не смотря на усталость, Марина делала эти движения с точностью и аккуратностью, чтобы никто не заметил, как внутри нее что-то рушится.

Марина закрывала за собой дверь, ставила на плиту чайник и, наклонившись, вдыхала едва уловимый аромат вчерашнего пирога – яблочного, с пряной корицей и легким запахом ванили, который проникал в самые уголки помещения. Этот запах возвращал в детство, в те беззаботные времена, когда мир казался безопасным, а дом был именно тем местом, где хочется быть.

Марина умела создавать уют. Ее руки с бесконечной любовью по крупицам выстраивали домашний быт: кружка мужа стояла на своем привычном месте, салфетки были тщательно подобраны в тон скатерти, молоко для чая подогрето ровно до той температуры, как любил Славик, чтобы он мог пить его без лишних капризов.

И в это утро, как бывало изо дня в день, Марина подошла к окну и посмотрела в безмятежный двор, где еще не проснулись люди и дома, где деревья стояли в легкой пелене утреннего тумана, словно сонные силуэты. Ее сердце пыталось зацепиться за этот мир, за самые мелкие детали, которые обычно остаются незамеченными.

Постояв несколько мгновений в тишине, Марина, все также осторожно ступая, принялась готовить обед для мужа и завтрак на все семейство. После всех хлопот она привела себя в порядок, расчесала редкие светлые волосы, нанесла капельку детского крема на худощавое лицо, а затем направилась в комнату к младшему сыну, присела на краешек кровати и стала потихоньку поглаживать его взъерошенную голову.

- Славик, - тихо позвала она. – Солнышко, пора вставать.

- Ммм, - промычал мальчуган и чуть дернул ручками.

Славик всегда сопротивлялся пробуждению. Он считал утро самым неприятным моментом дня, не хотел открывать сонные глаза, которые закрывались сами по себе обратно, схлопывая выгоревшие на солнце ресницы, не хотел вылезать из-под теплого одеяла в бодрящую прохладу, которая его совершенно не бодрила. И конечно, его раздражал яркий свет ламп, который казался слишком резким, поэтому Марина включала его не сразу для плавного пробуждения.

- Вставай, дорогой, - продолжала она аккуратно пожимать его руки. – Вы же договорились сегодня с Денисом поиграть в пиратов. Представляешь, как он будет тебя ждать? И игрушки, наверное, подготовил...

- Мам, а можно сегодня не в садик? – тихо, почти шепотом спросил он с закрытыми глазами, почесав курносый нос. – Ну хоть сегодня?

- Славочка, мы же договаривались, - ласково ответила она, стараясь быть одновременно твердой. – Один день – ладно. Но если каждый день будет «не сегодня», тогда и праздник не настанет никогда. Да и с Денисом вы уже договорились.

Славик, как обычно, поморщился, потянулся, но сел на кровати и с закрытыми глазами прижался к плечу мамы.

Из спальни слышались бодрые шаги, и в дверном проеме возникла взъерошенная голова Игоря.

- Подъем! – провозгласил он и включил свет. – Кто первый умываться?

Славик поморщился, но заплетающимися ногами побрел в ванную. Игорь прошлепал мимо жены к окну и раздвинул плотные шторы, запуская немного света в комнату, который тут же проектором осветил его жилистую фигуру.

Игорь последнее время почти не смотрел на нее так, как раньше. Не из-за потери чувств, а скорее просто привык к ее постоянному присутствию и бесконечной заботе. Он привык к тому, что она невидимо поддерживает семью, делает так, чтобы ужин всегда был горячим и вкусным, носки – чистыми и аккуратно сложенными, а дети – словно росли и развивались без усилий с его стороны. Он по-прежнему целовал ее в щеку, говорил благодарственные слова, но все чаще это звучало рассеянно, неосознанно, без настоящего осмысления, не понимая, в какой момент его жена стала почти прозрачной, почти незаметной.

- Доброе утро, - в дверях возникла Зоя, с теми же взъерошенными кудрями, как у Славики, только постарше лет на двадцать. – Пап, докинешь меня до работы? Мне так не хочется сегодня толкаться в метро.

- Давай, - пожал тот плечами. – Тогда выходим на пятнадцать минут раньше.

- Хоть на двадцать!

И Зоя легкими прыжками умчалась собираться, напевая себе под милый носик какую-то мелодию. Марина с легкой улыбкой встала с кровати Славики и отправилась на кухню помогать семейству справиться с утренними ритуалами.

Сидя за столом, Марина долго рассматривала каждого члена семьи, их движения, веснушки, скачущие по смеющимся лицам, слушала голоса. Как будто она пыталась насытиться каждой мелочью и не могла, ведь все трое были совершенно разными, хоть и были семьей.

Спокойный и рассудительный Игорь обычно задавал Славику всевозможные вопросы, потому что хотел услышать детский ответ, не замутненный взрослыми переживаниями и опытом. Славик, в свою очередь, задавал детские вопросы, которые часто ставили в тупик взрослых. А Зоя последние месяцы только и делала, что переживала о свадьбе. Каждое утро начиналось с новых идей, как будто по ночам она не спала, а придумывала все новые оттенки скатертей и салфеток, подбирала музыку, меню и прочие элементы торжества.

Марина впитывала каждое слово, кивала, соглашалась, улыбалась, давала советы. И при этом тайно считала дни до следующего контрольного обследования.

Каждый вечер, когда дом затихал, Марина перечитывала медицинские статьи в интернете, сверялась с собственным дневником симптомов, тщательно прокручивала в голове разные сценарии и возможные исходы. Письма из клиники, с результатами обследований и назначениями, Марина сжигала. Сначала делала это аккуратно, как будто ритуально, а позже – с нарастающим отчаянием, торопливо и без оглядки, чтобы никто из домашних не узнал горькой правды.

Но этот вечер пошел не по плану. Все изменилось совершенно случайно. Валентина Николаевна, их соседка, которая была известна своим любопытством и разговорами, во время обычной беседы с Игорем на лестничной площадке о помидорах невзначай упомянула слово «онкоцентр».

- Говорят, ваша Марина туда часто ездит, - сказала она почти случайно, с легким любопытством. – Уж не знаю, что там у вас, но по ней и не скажешь ничего. Может, навещает кого?

Слова тонкой нитью проникли сначала в голову, а затем медленно пробрались в желудок, попутно разрезав грудь на две части.

Игорь пришел домой другим человеком. Растерянные глаза не могли сфокусироваться на чем-то одном, ведь в голове в этот момент перебирались обрывки воспоминаний: как Марина стояла у плиты, держась тонкими руками за соседний стол, как слишком долго оставалась под душем, как улыбалась, когда смотрела на проделки Славика и свадебное платье Зои.

Брови Игоря то сдвигались к переносице, помогая воспоминаниям продвигаться в голове, то откатывались обратно, превращая его выражение лица в детское.

Марина застала этот взгляд в прихожей, когда вышла встречать мужа после работы. Она сразу поняла, что ее тяжелая тайна была раскрыта. Он осторожно подошел к ней и заглянул в глаза, словно вот-вот оттуда кто-то выскочит. Но там не было ни страха, ни отчаяния, только глубокое молчаливое принятие.

- Почему ты не сказала мне раньше? – еле выговорил он, ожидая услышать, что все это глупое стечение обстоятельств. – Почему?

Она ответила тихо, но твердо:

- Потому что ты был счастлив. И дети были счастливы. Как я могла разрушить это?

Впервые за долгие годы Игорь обнял ее не из привычки, а с настоящей болью. Он сгреб ее в охапку и не отпускал, медленно осознавая совершенно дикое знание, которым он сейчас обладал.

Руки Марины висели по бокам тела. Она не плакала. Не умела уже. Или просто разучилась. Ее глаза были сухими, но в них сидела глубокая тоска и покорность.

Игорь отстранился.

- Нужно что-то делать! Сейчас уровень медицины совершенно другой! И все будет хорошо!

Он метался по коридору и размахивал руками, как будто собирался строить коммунизм, вот только остановился, когда Марина произнесла:

- Последняя стадия. Уже поздно.

- Сколько? – выдавил он из себя еле слышно, проглотив ком.

- Два месяца, - ответила Марина. – Но я обязана быть на свадьбе Зои, и я там буду, - твердо добавила она.

А затем ее губы на мгновение тронула мимолетная улыбка, словно это был спазм, и также исчезла.

- Я прошу тебя, не говори детям. Они не должны страдать.

- Но ты же понимаешь, что это будет не внезапная смерть?! – сказал Игорь и запнулся.

- Да. Вот когда будет совсем очевидно, тогда и скажем.

Марина прошла на кухню и остановилась около окна. Вслед за ней вошел Игорь, на секунду замер, а затем обнял ее и сказал:

- Как скажешь, дорогая. Я с тобой. Мы все с тобой.

Эта свадьба была нужна Марине даже больше, чем Зое. Свадьба стала для нее не просто праздником, а настоящим смыслом, символом финала и одновременно нового начала. Она тщательно выбирала каждую деталь: новое платье, которое заказала заранее, цвет губной помады, с которым хотела выглядеть свежо и естественно. Каждый вечер перед зеркалом она тренировалась улыбаться так, чтобы никто из близких не смог заметить, как сильно дрожат ее губы, скрывая подлинную боль.

В день торжества Марина выглядела особенно бледной, почти прозрачной, словно свеча, которая горит сильнее, зная, что скоро погаснет. Каждый шаг давался ей с огромным усилием, тело подводило, но она ни разу не позволила себе показать слабость.

Когда Зоя принесла ей букет, Марина улыбнулась, и в этой улыбке впервые за долгое время не было ни тени лжи. Она была настоящей и искренней.

После свадьбы Марина прожила еще три месяца, спокойных и медленных. В эти дни она читала стихи, которые давно хотела перечитать, смотрела в окно, наблюдая за легким движением облаков и меняющейся погодой. Она разговаривала со Славиком о космосе, делилась с Зоей своими мыслями о жизни, а с Игорем общалась молча, прикосновениями.

Детям раскрыли тайну почти в последний момент. Зоя уже жила с мужем в другой квартире, а Славик еще не понимал, что мама больна.

Когда Марина ушла, на кухне еще долго оставался запах корицы – ее любимой специи, которая напоминала о доме и тепле. Все, к чему она прикасалась, хранило тепло ее рук. Она ушла без шума, не хлопая дверью, не прося жалости и не нарушая привычного ритма жизни семьи, но осталась в каждой мелочи, в каждой частичке, в каждом воспоминании.

Тихое чувство

- Пустяки, - отмахнулась, как от назойливой мошки, Маша.

- Для тебя пустяки, а у человека планы на жизнь так-то, - хмыкнула Рита, рассматривая отдыхающих поверх очков.

Мимо, под палящим безжалостным солнцем, сновали подгорелые мужчины в разноцветных плавках. Рядом с ними, в большинстве своем, семенили их вторые половинки, не оставляя хищницам этого отеля ни шанса попытать удачу.

- С чего ты взяла-то? – вздохнула Маша и принялась поправлять полотенце на шезлонге.

- А ты с чего не взяла? – возмутилась Рита и томно потянулась, заметив любопытный взгляд русого красавца слева. – Он таскается к тебе несколько раз в день, так? Приносит какие-то ужасные вещицы, которые сто лет никому не сдались, так?

- Так. И что дальше? Так многие делают.

- И имеют при этом глупый вид? – ангельским голосом закинула удочку Рита.

- Нет у него глупого вида!

- Н-да? Или твои розовые очки закоптились? Протри, пока не поздно.

Весь разговор выдавливался из Риты, как шампунь из конфеты: шампунь, конечно же, предназначался Маше, а вот конфета целиком и полностью была нацелена на того самого красавца. Впрочем, из-за яркости солнечных лучей, отражавшихся от воды в бассейне, не было до конца понятно, клюет ли он на обертку, либо высматривает вариант получше. Рита действительно выглядела шикарно: отменная фигурка была облачена в замысловатый купальник, подчеркивающий все нужные места; поверх копны черных, как смоль, волос нависала широкополая шляпа с крупным бантом.

Не то что Маша. Маша была обычная. Обычный слитный купальник, обычный русский хвостик на голове и обычное выражение лица, настоящее, а не «выстроенное» для других.

- Сама ты закоптилась, - Маша перевернулась на шезлонге, подставив белую спину на растерзание солнцу.

- Мой нагар регулярно и бережно счищается, а вот ты совсем засиделась. Ответила бы взаимностью человеку.

- Рит, ну в конце концов! Мне тоже за ним начать ходить и глупо улыбаться?!

- Для начала можно просто улыбнуться. Подожди, - Рита повернула голову к Маше, - он тебе не нравится как мужчина? В этом дело?

- Почему? Он хороший...

- Хороший! – фыркнула Рита. – Не это является определяющим! Чтобы был красивым, обеспеченным, с чувством юмора, статью, мускулами и щедр до одурения. Я считаю, этого достаточно. Твой Саша почти всем этим обладает.

- Вот это список..., - присвистнула Маша. – А если он просто хороший?

- А как ты с «просто хорошим» будешь заводить детей, давать им образование и жажду жизни?

- Тогда из всего твоего списка можно оставить только «обеспеченный», - развела руками Маша.

- Можно, - кивнула Рита. – Но не в твоём случае. Ладно, проехали. Дай ему шанс показать себя. А я пойду покажу себя вон тому красавчику.

Рита с кошачьей грацией направилась к объекту своей охоты, а Маша перевернулась на спину и прикрыла глаза, пытаясь представить себя рядом с Сашей.

Задачка выходила не из легких. На первый взгляд, Саша был совершенно обычным человеком, в какой-то степени не сильно красивым: большие добрые глаза с длинными ресницами заполняли собой почти все лицо; острый нос выдавал в нем все-таки решительную натуру,

некий стержень, который сидит глубоко внутри; губы почти всегда были растянуты в легкой полуулыбке, а может быть, только когда его видела Маша.

Как обстоят дела с обеспеченностью, Маша не знала, да и не сильно хотела знать. Она была из тех немногочисленных девушек, которые еще ставили на первое место благодетель и добропорядочность. Она считала, если двое вместе, значит всегда поддержат друг друга и справятся с любыми проблемами, вместе придумают способ разбогатеть и вместе разбогатеют.

Наличие мускулов также оставалось для нее загадкой. Да и что она будет с ними делать? Маша приоткрыла глаз, посмотрела на свой возвышающийся живот и со вздохом закинула на глаза руку, брякнув локтем себе по лбу.

Нет, вопрос мускулов оставался открытым, хотя Саша был совершенно обычного телосложения – не худой и не толстый. Средний. Чуть выше Маши. Этакий несуразный клубок доброты, перекатывающийся по офису с этажа на этаж в поисках кофе.

Маша вспомнила, как он частенько заходил к ним в отдел аналитики со своей огромной кружкой, которую ему подарили коллеги-дизайнеры. Они любили находить непонятные вещи и торжественно вручать тому, кому, по их мнению, они больше всего подходили.

Заходя в отдел, Саша останавливался около ее стола, хотя разговаривал со всеми окружающими, шутил, рассказывал какие-то истории. Иногда он приносил конфеты или печенье, ставил их на ее стол вроде как «для всех», но почему-то ее любимые.

Маша приподняла локоть со лба и поискала Риту глазами. Та вальяжно потягивала коктейль в баре и крутила локоны пальцами с острым маникюром. Красавчик рядом с ней, кажется, был доволен знакомством.

Почему она так не может? Другой вопрос – зачем? В большинстве случаев, такие знакомства длятся лишь сутки, либо до конца пребывания на курорте, а потом остаются в памяти приятным приключением, не больше.

Маша встала с шезлонга и направилась к прохладному бассейну, чтобы слегка остудиться. В ее голове продолжали всплывать обрывки фраз, брошенных невзначай при встрече.

«Ты сегодня грустная. Тебе совершенно необходима чашечка кофе».

«Ты видела, при входе раздают лотерейки? Поучаствуй, уверен, ты везучая».

«Я решил подарить тебе брелок с барашком. Потому что ты упрямая, но везучая».

Неужели эти мимолетные фразы что-то значат? Если бы он хотел перевести их знакомство в более тесное русло, то мог бы просто сказать об этом прямо.

Маша вышла из бассейна с твердой уверенностью, что до конца отпуска больше не будет об этом думать. Она подошла к шезлонгу, легла поудобнее и тут услышала, как звонит ее телефон. На экране высветился незнакомый номер.

- Алло?

- Привет. Это Саша. Я тебя не отвлекаю? – сказал в ухо приятный мужской голос.

Если бы можно было свалиться с шезлонга, Маша бы так и сделала, но она просто замерла.

- Привет... Нет, я могу говорить.

- Я слышал, ты в отпуске? Тебя давно не было в офисе.

- Да, наконец удалось вырваться. В понедельник уже выйду.

- Ты знаешь... Кхм... В пятницу мои друзья устаивают сеанс немного кино с живой музыкой. Фортепиано, виолончель. Я бы хотел пригласить тебя.

В трубке повисла настороженная тишина. Несколько секунд Маша переваривала услышанное и не понимала, что больше ее потрясло: звонок человека, о котором она думала прямо сейчас, или немое кино с виолончелью.

- Маш? Как ты на это смотришь?

- Звучит интригующе, - сказала Маша чистую правду. – Я приду.

- Отлично, - был слышен облегченный выдох. – Я могу зайти за тобой.

- Хорошо. Я пришлю адрес. Тогда до встречи.
- До встречи.

Маша сбросила звонок и застывшим взглядом несколько секунд смотрела на телефон. Затем, опомнившись, сохранила номер, подписав: «Саша Дизайнер».

Кольнуло ли у нее что-то в сердце? Может быть, пульс участился? Отнюдь. Это было удивление, не более того. В ее жизни были мужчины, которые за ней пытались ухаживать, но это ничем не заканчивалось. Да, сначала были слезы, переживания, планы на будущее, предвкушение чего-то прекрасного. А потом осталась пустота. Какая-то тихая пустота, которая нашептывала: «Не жди героя, они давно вымерли еще до мамонтов». Может быть, она сама искала шекспировских страстей?

Тем не менее, о предстоящей встрече и звонке Маша своей подруге не рассказала.

Маша вошла в свою темную квартиру, включила свет и захлопнула дверь. Где-то в глубине тихо тикали часы, оставшиеся на память от бабушки. Маша скинула сумку на стоящую рядом софу и прошла на кухню. Она осторожно выглянула в окно, пытаясь разглядеть в темноте силуэт, который только что проводил ее до квартиры, но никого не увидела.

- Наверное, ушел, - пробормотала она.

Часы показывали полночь. Маша зажгла газ под чайником, и оранжево-синие язычки охотно взялись за работу.

Как прошла их встреча? Чудесно. Звуки виолончели проникали в самые потаенные уголки души, поднимали дыбом волосы на руках, а иногда воспаляли в груди волну абсолютного восторга. Весь фильм Саша не говорил ни слова, отчего Маша даже стала чувствовать себя неловко, но с последним аккордом все изменилось: он стал рассказывать, как его друзья создавали этот шедевр, сколько времени ушло на подготовку и многое другое. Маша не заметила, как за разговором они вышли на воздух и долго бродили по темным улицам.

Вот так незаметно он и довел ее до дома. На прощание он лишь поблагодарил ее о чудесно проведенном вечере и, даже не поцеловав, ушел.

Саша позвонил на следующий день, в обед, когда она уже закончила дела по дому.

- Ты знаешь, я поймал себя на мысли, что мне хочется провести сегодняшний вечер на мосту, с термосом наивкуснейшего чая и приятной компанией, - загадочно сказал он.

- Странный способ для самоубийства, - удивилась Маша.

- Согласен, - засмеялся Саша. – Там есть удобное место, с которого открывается красивый вид на город. Ты составишь мне компанию?

- Если самоубийство не планируется, то я не против.

- Не планируется, - заверил Саша. – Я зайду за тобой в шесть.

Саша не обманул – вид, и правда, был впечатляющий. Обычный чай в термосе приобрел совершенно новый оттенок вкуса, добавив нотку уюта летней встрече.

Они проговорили весь вечер. Обсуждали новинки кино, музыку, старые советские игрушки, которые остались от родственников, далекие страны и странные обычаи народов. А в полночь она вновь была дома одна, пытаясь разглядеть в окне удаляющийся силуэт, который снова ее не поцеловал. Только бросил на прощание: «До понедельника!».

Первый понедельник после отпуска обычно не приносил ничего хорошего, не был долгожданным или радостным. Обычно. С утра Маша поймала себя на том, что ищет глазами Сашу, ждет его появления с огромной кружкой в дверях отдела. Буквально несколько дней назад она и не думала, что ей захочется быть рядом с человеком, которого она видела каждый день на работе. Слушать его рассказы и шутки, смеяться над историями, делиться переживаниями.

Саша пришел через несколько часов, ближе к обеду. Как и всегда, он возник в дверях вместе с коробкой ее любимых конфет, которые принес «для всех». Маша внезапно почувствовала тот самый, первый удар сердца, останавливающий все вокруг. Легкий, слабый, еле заметный, но вдруг такой ясный.

- На той неделе приезжали технари, заменили кофемашину. Ты обязательно должна попробовать новый вкус, - обратился к ней Саша после всеобщей беседы. – Пойдем. Вижу по кружке, ты еще не пила кофе.

Вот так ненавязчиво он увел ее из отдела. Пока он колдовал над кофемашиной в импровизированной кухоньке, Маша внимательно наблюдала за его движениями, как будто пыталась разглядеть что-то, что ускользало от нее. Она стояла за его спиной и мяла собственные пальцы, которые то сплетались, то расплетались, но абсолютно точно не могли найти себе места. В конце концов, не она же должна первая говорить о своих чувствах?

Кофемашина загремела.

Саша развернулся к Маше, приподнял двумя руками за подбородок ее голову, на несколько секунд соединил их губы и отстранился, всматриваясь в ее глаза.

- Есть подозрение, что я влюблен, - тихо сказал он и опустил руки, продолжая смотреть на нее огромными горящими глазами. – Нужно с этим что-то делать.

- Нужно, - также тихо ответила Маша.

- Встретимся сегодня на мосту?

- Только обязательно с чаем. Он очень вкусный.

Они стояли в маленькой офисной кухоньке, смотря друг на друга удивленно, словно внезапно сделали важнейшее открытие их жизни. Грохот кофемашины давно смолк, оставив на фоне только тихий шум офисной жизни за стенами этого маленького помещения.

Саша взял с подноса кружку Маши и передал ей в руки:

- Пойдем.

- Пойдем, - ответила она и улыбнулась.

Они направились к своим рабочим местам.

Оба пытались спрятать легкую улыбку, которая то и дело норовила выпрыгнуть на свет и показать окружающим тихо зарождающееся чувство.

Настоящее удовольствие

Иногда мне кажется, что если бы не я, люди так и не узнали бы, насколько они на самом деле хрупкие. Они живут в иллюзии, что прочны, самостоятельны и знают, чего хотят. Они идут по улице с телефоном в руке, строят планы, разговаривают о чем-то важном. И только я вижу, насколько легко их можно сбить с этой траектории. Чуть поверни винтик – и весь механизм трещит и выходит из строя. Это почти красиво.

Я сижу у пыльного окна в одной из унылых кофеен, где подают разбавленный кофе, а стулья скрипят, как если бы жаловались на усталость. Мне здесь нравится. Поток лиц, жестов, привычек. Каждое утро как представление. Только актеры не знают, что они на сцене. Я пью кофе и наблюдаю.

Перед пешеходным переходом, прямо напротив моего окна, стоит женщина с детской коляской. Обычная. Простой пуховик, дешевые сапоги. Она смотрит по сторонам, двигая неуверенным подбородком и усталыми глазами, как будто ждет не просто сигнала светофора, а какого-то особого разрешения.

Плечи у нее какие-то слишком узкие, словно с возрастом съехались ближе к шее. А сумка, напротив, огромная и несуразная. В этом есть нелепая трогательность. Она напоминает мне птицу, которая слишком долго сидела в тесной клетке: ее крылья обмякли, но все внутри еще помнит небо. Только теперь не взлетит. Все, на что ее хватает, – это осторожно передвигать ноги по асфальту.

Сигнал светофора загорается зеленым, и пешеходы по обе стороны начинают свое движение. Но она остается стоять. Она неуверенно переносит вес с ноги на ногу, как бы сомневаясь. Может быть, водитель не затормозит. Или вдруг решит прибавить газ. Или просто не заметит. Или заметит и намеренно проедет слишком близко.

Я не двигаюсь и не машу ей. Просто смотрю и улыбаюсь. Не в насмешку, а скорее, как хирург перед разрезом.

Она ловит мой взгляд, и это мгновение самое ценное. В нем происходит все: она не знает, кто я, но чувствует на себе внимание. И, будто извиняясь за свое замешательство, делает шаг. Переходит улицу быстро, словно хочет убежать с этой сцены, не дожидаясь аплодисментов или критики.

Вот и все. Один взгляд. Одно движение глаз. И человек изменил свое поведение, пошел туда, куда не готов был идти минуту назад. Звонкий щелчок в голове – и мир стал моим еще на пару секунд. Мне и не нужно дольше, я умею довольствоваться малым. Но при этом я точно знаю: в этих секундах было больше власти, чем в чьих-то годах.

В булочной я – король.

Нет, я не владею помещением и не стою за прилавком, не печатаю ценники и не касаюсь теста. Но я владею куда большим – настроением. Я прихожу туда не за хлебом. Хлеб – это просто повод, психологический антураж. Настоящий товар, который я забираю с собой, – это эмоции других людей: их колебания, вздохи, нервные движения пальцев, расширенные зрачки, когда все выходит из-под контроля.

Очередь – это социальный эксперимент, в котором никто не знает, что принимает участие. Люди в ней особенно уязвимы. Они стоят вынужденно близко друг к другу, замкнутые во временную систему правил: кто за кем, кто сколько взял, кто как долго возится. Им кажется, что они все контролируют, что действуют в рамках логики и вежливости. Но я знаю правду: они балансируют на краю раздражения. Один щелчок – и терпение треснет, начнется то, что они потом стыдливо будут называть «срывом».

Сегодняшняя очередь обещает быть плодородной.

Передо мной стоит женщина лет шестидесяти с лицом, в котором усталость так давно прописалась, что стала архитектурой. У нее аккуратно подстриженные волосы и глаза, в которых читается готовность к сражению за справедливость. Чуть дальше – девушка с наушниками. У нее взгляд, устремленный в пол, и движения подростка, уставшего объяснять, что он ни в чем не виноват. А еще парень лет семнадцати, с прыщами, рюкзаком и видом того, кто всегда старается не мешать. И, наконец, женщина в синем пуховике, разговаривающая по телефону так, как будто на другом конце провода – глухая бабушка, живущая через бетонную стену.

Идеально.

Я слегка наклоняюсь к девушке с наушниками, делаю голос чуть приглушенным, словно говорю что-то конфиденциальное. Такой интонацией люди обычно делятся тайнами.

- Простите, - говорю я, - не знаю, заметили ли вы... Он, кажется, только что пролез без очереди.

- Кто? – она вытаскивает наушник и морщит лоб.

Я киваю в сторону подростка. Он, бедняга, просто встал на шаг ближе к прилавку, потому что предыдущий покупатель уже отошел. Парень даже не подозревает, что уже стал главным героем спектакля.

- Он был за вами, - уточняю я с вежливой доброжелательностью. – Потом – хоп – и уже перед вами. Но может, я ошибаюсь.

Фраза идеально сбалансирована. Я не обвиняю напрямую, просто делюсь.

Девушка хмурится, выпрямляется, а женщина в пуховике моментально подается вперед.

- В смысле, пролез? – говорит она в телефон и тут же его отключает. – Молодой человек, вы за кем стоите?

Парень резко оборачивается.

- Я... Я просто... Я не хотел...

- Не хотели – а влезли, кидает старушка сзади, обрета в словах женщины поддержку.

- Совсем обнаглели, молодежь!

Я молчу. Я просто стою, чуть приподняв бровь, будто удивлен происходящим, но при этом внимательно наблюдаю. Все идет по плану. Внутри этой сцены уже нельзя найти начала. Никто не вспомнит, что именно я стал той спичкой, которую аккуратно провел по коробку.

Голоса поднимаются. Пуховик командует:

- Продавец, можно вмешаться? Тут молодой человек всех обошел!

Парень краснеет, мнется и отступает. Девушка с наушниками быстро отходит назад, будто не хочет, чтобы ее ассоциировали с этим. Атмосфера вздымается. Хлеб пахнет свежим, а в воздухе отчетливый аромат унижения, неловкости, праведного гнева и смущения. Как многослойный пирог, который пекли не по рецепту, но вышло вкусно.

Я забираю свой багет и сырок.

Выхожу.

На улице свежий ветер.

Но ничего не бодрит так, как ощущение, что ты снова сдвинул мир. Не полностью, только уголком.

И пусть никто не знает твоего имени.

Но ты знаешь: ты был там, и это ты все запустил.

Интернет – мое второе тело.

Если в реальной жизни мне нужно подбирать слова, ловить паузы и подбирать интонацию, то в сети все это отпадает. Здесь нет ни кожи, ни глаз, ни запаха страха. Только текст. Я могу быть кем угодно, говорить от любого имени и оставаться невидимым. Тут я не просто человек, я – размытая тень, которая проходит сквозь чужие стены.

Я захожу на форум. Их тысячи, но я выбираю один. Проверенный. Раздел: «Поддержка молодых родителей».

Название темы: «Я не справляюсь. Иногда просто хочется лечь и не вставать».

Я знаю, что будет внутри. Женщина с младенцем, ее крик о помощи, завернутый в вежливость. Бессонные ночи и разорванная психика. «Я стараюсь», «муж помогает, но...», «я не ожидала, что будет так тяжело». Я даже чувствую, как дрожали ее пальцы, когда она нажимала «отправить». И под этим постом двадцать ободряющих и теплых комментариев.

«Ты не одна».

«Ты справишься».

«Это нормально».

«Я тоже так чувствовала, держись».

Блеющая паства, коллективная грудь, к которой прижимают друг друга, надеясь, что станет легче. Но я не для этого здесь. Я открываю поле ответа и пишу:

«Может, не стоило рожать, если не справляетесь. Это не проблема общества. Это ваша личная инфантильность. Ребенок не просил вас о жизни, он тут самый невиновный. Жалеть себя сейчас – делать хуже ему. Возьмите себя в руки».

Не проходит и трех минут – первое уведомление. Кто-то ответил. Потом еще. И еще.

Я не читаю ответы, мне это не нужно. Я вижу цифры и ощущаю движение, как если бы бросил каплю яда в чашу с водой и теперь наблюдаю, как жидкость начинает темнеть.

Все оживает: люди спорят, оправдываются, защищают, нападают. Форум, еще минуту назад теплый и убаюкивающий, превращается в бойцовский клуб. У меня нет цели или злости. Мне просто интересно, где предел. Сколько нужно слов, чтобы человек усомнился в себе. Чтобы начал сомневаться в своем праве на радость.

Я никогда не пишу прямые оскорбления, я намекаю и предлагаю. Я задаю вопросы, которые нельзя услышать. Это как яд, растворенный в вине. Глодают добровольно.

Вечер – мое любимое время. Когда город сбрасывает дневную одежду, когда шум уходит вглубь, и все становится мягче и тише. Люди возвращаются домой, в свои коробки, в свои кухни с лампами под потолком, привычные ритуалы – чай, телевизор, разговоры ни о чем. Они устают от себя и от других. И именно в это время они становятся чуть более настоящими.

Я медленно, не торопясь, гуляю по району. На остановке спорят двое: мужчина и женщина лет пятидесяти. Он что-то бубнит, она раздраженно машет рукой. Он медленно поворачивается ко мне, случайно ловит мой взгляд и еле заметную улыбку, как будто я понимаю, о чем он. Как будто я на его стороне.

Его плечи расправляются, повышается голос, и уже другим тоном он говорит женщине: - Да ты сама все запутала, я тебе сазу говорил.

Она резко отвечает, и конфликт начинает разрастаться. Я прохожу мимо. Я – никто в этой истории, просто прохожий. Но этот взгляд, этот сигнал – он попал точно в нужную точку. Мгновение – и он почувствовал себя правым, а значит – сильным.

Я иду дальше и сворачиваю за угол. За стеклом кафешки сидит одинокая девушка, что-то листает в телефоне с сосредоточенным лицом. Ждет кого-то или просто пришла одна? Это неважно. Главное, что она в моменте слабости. И тут я останавливаюсь, недолго смотрю на нее, чтобы она заметила, а потом перевожу взгляд. А затем снова встреча глазами. Ее лицо слегка меняется, она отворачивается, но уже не так спокойно листает телефон. Я иду дальше. Я оставил в ней что-то. Сомнение? Неловкость? Страх? Интерес? Я не знаю, и это не важно. Иногда достаточно одного взгляда, чтобы человеку стало неуютно внутри собственного тела.

И затем дома я снова один. Это не одиночество в драматическом смысле, это мое личное пространство. В моей квартире всегда тихо, не работает телевизор или радио, музыка бывает редко. Я люблю слушать, как капает вода, как щелкает холодильник, как скрипит кресло, когда

я меняю положение. Эти звуки не раздражают, а наоборот, они напоминают, что все в порядке. Что мир – здесь, рядом. В моих руках.

Я открываю ноутбук и захожу в соцсети, листаю ленту, словно турист, который бродит по чужим жизням. Кто-то выставил фото с отпуска, кто-то ужин, кто-то – детские рисунки. Все хотят внимания, хотят, чтобы их заметили. Я даю им это, но не так, как они ожидают.

Я открываю комментарии под постом девушки, которая рассказывает, как борется с тревогой. На фото она на фоне заката, в длинной юбке и с закрытыми глазами.

Пишу:

«А мне кажется, ты просто любишь драматизировать. У всех проблемы, но не все кричат об этом на весь интернет».

Простой комментарий без мата и агрессии бьет в то, чего она боится: что ее боль – фальшивая. Что она – не особенная.

Мой комментарий собирает пару лайков. Кто-то пишет: «Что за фигня? Ты не понимаешь!». Но она молчит. И я знаю, что она читает, прокручивает внутри ситуацию, возможно, хочет удалить пост. Или доказать всем, что она настоящая. Я встряхнул ее. Это как нажать на кнопку, а потом отойти и смотреть, как начинают двигаться шестеренки.

Люди строят свои жизни, как карточные домики, и думают, что сделали это прочно. Но стоит только подуть, и стены дрожат.

Я листаю дальше. Парень хвастается, что пробежал марафон, улыбается на фото.

Пишу:

«А мне казалось, что ты говорил, что у тебя проблемы с коленом. Или ты просто тогда не хотел ехать помогать отцу с дачей?».

Просто вопрос без обвинений. Но я знаю, как работает память. Я знаю, что его брат или мать спросят, когда увидят комментарий. Я не лгу, а намекаю. Я освещаю двойственность, и это – мое наслаждение, потому что мир устроен на фасадах, а я люблю трогать кирпич под краской.

Через некоторое время я закрываю ноутбук и чувствую легкую дрожь в пальцах от удовольствия. От ощущения, что я сделал что-то живое. Не просто прожил день, а изменил чей-то вечер и настроение.

Я выключаю свет и смотрю в окно. Люди идут по улицам, кто-то с пакетами, кто-то с детьми, кто-то в наушниках. Они все думают, что вечер – это отдых. А я знаю, что вечер – это власть. Когда ты знаешь, где чья трещина, ты можешь выбирать, нажимать на нее или пройти мимо. И именно это делает тебя настоящим.

Бывает, я вызываю такси через приложение. Ничего особенного, кажется, но в этих мелочах кроется особая прелесть: видеть, как другие думают, что контроль полностью в их руках, а я знаю, что все – как на ладони. Водитель не знает, кто я, зачем еду и какие мысли ворочаются в голове. Это прекрасное ощущение – быть невидимкой в собственной игре.

Машина подъезжает быстро, черный седан, как будто только что с автосалона. Водитель – мужчина средних лет, с усталыми глазами и аккуратной стрижкой. Он приветливо кивает, не поднимая лишних вопросов, и я сажусь на заднее сиденье.

В пути начинается тихий диалог, но я не ищу в нем смысла, я просто пускаю в ход свои привычки: ловлю слова, паузы и интонации. Водитель рассказывает про свою работу, как тяжело последние месяцы, как клиенты стали требовательнее, а пробки длиннее. Я слушаю и подкидываю нужные реплики, аккуратно вызывая в нем легкую раздраженность. Не злость, это слишком грубо. Это почти искусство – слегка подзуживать, будто играешь на нервах, не ломая, а делая трещины, тонко и незаметно.

Он вздыхает, жалуется, чуть сбивается с темпа речи. Его голос становится менее ровным, в глазах мелькает усталость, отчаяние, а я улыбаюсь про себя, зная, что именно в этот момент у меня уже есть власть над ним. Пусть и маленькая, но уже есть.

Я задаю вопрос, который кажется невинным, но при этом легко заставляет его раскрыться:

- А вы сами довольны своей жизнью?

- Как можно быть довольным, когда все валится из рук? – он смеется, но без радости.

- Иногда кажется, что все вокруг ложь, - киваю я, словно понимаю. – Что люди только и делают, что притворяются, чтобы не выглядеть слабыми.

Он молчит, а я чувствую, как он поддается, как будто впервые кто-то услышал его. Но я не собираюсь его жалеть, просто немного подталкиваю.

- А вы не боитесь показаться слабым?

Его плечи сжимаются, глаза на секунду опускаются вниз, в голосе появляется нотка раздражения:

- Конечно, боюсь. Но ведь иначе никто не услышит.

Я улыбаюсь чуть шире. Вот оно - слабое место, тот самый стык, где можно начать играть. Игра, где не нужны шахматы или карты, а достаточно пары слов, пара правильных взглядов, чтобы посеять сомнения или подбодрить, заставить задуматься или усомниться.

Когда машина останавливается у моего дома, я оплачиваю поездку, благодарю и выхожу на холодный ветер. В воздухе пахнет сыростью и прошлогодней листвой. Я закрываю дверь и медленно иду к подъезду, чувствуя, как внутри меня горит это тихое, почти неуловимое наслаждение - власть над чужими мирами, маленькими и хрупкими.

Вот так просто играть с людьми, когда знаешь, что для них важно, что болит, и умеешь тихо нажимать на невидимые кнопки, заставляя их колебаться, сомневаться, даже немного страдать, но всегда так, чтобы никто не догадался, откуда ветер дует.

Вот это и есть мое настоящее удовольствие.

Она появилась неожиданно, словно ниоткуда, на тротуаре возле кафе, куда я случайно зашел выпить стакан воды. Я не планировал ни с кем встречаться, тем более с кем-то, кто мог бы нарушить мой спокойный ритм. Но мир любит подбрасывать такие сюрпризы, словно проверяя меня, мое терпение и умение держать ситуацию под контролем.

Она шла легко, волосы были собраны в небрежный пучок, в простой одежде, но в ней обнаруживалась какая-то непривычная решимость. Взгляд - прямо в меня. И в этот момент я почувствовал, как мое внутреннее спокойствие начало слегка дрожать.

Она остановилась, увидев меня, и искренне улыбнулась. Это было неожиданно. Я не привык к таким встречам. Обычно люди прячутся и отворачиваются, а она смотрела и не боялась.

- Привет, - сказала она просто.

Я ответил тем же, пытаюсь сохранить хладнокровие. Но внутри меня что-то ворочалось. Я пытался понять: кто она, почему именно сейчас? Какие тайные мотивы ее появления? Я привык видеть во всех только слабости, уязвимости, где можно сыграть свою игру. Но здесь что-то не давало мне легкого доступа.

Мы говорили коротко, обменивались обычными фразами, но каждое ее слово было словно вызовом. Она задавала вопросы, которые я обычно задаю другим, ловила мои паузы, наблюдала за моими жестами. Я понял: она умеет играть в мою игру. Возможно, даже лучше меня.

И тут во мне вспыхнула смесь восхищения и раздражения. Как так? Кто она такая, чтобы бросать вызов тому, кто всегда остается в тени, управляя чужими мыслями и чувствами? Я начал осторожно подталкивать ее, шептал внутрь себя: «Посмотрим, на что ты способна». Но она не сдавалась.

Когда разговор подошел к концу, и мы разошлись в разные стороны, я почувствовал, что эта случайная встреча стала не просто очередным эпизодом моего вечера. Это был сигнал. Напоминание, что даже мастер игры может встретить того, кто играет наравне.

И я улыбнулся - тихо, едва заметно. Потому что такие встречи - это вызов, это возможность расти, изменяться, становиться лучше. А главное - оставаться живым.

Иногда я смотрю на себя в зеркало и пытаюсь понять: кто я, когда никто не смотрит? Кто тот человек, который так легко может ввести других в заблуждение и в то же время так же легко прячется за фасадом?

Часто кажется, что вся эта игра - лишь способ заполнить пустоту. Манипуляции, злые комментарии, мелкие пакости - это мои инструменты, мои щиты и мечи в мире, где никто не хочет видеть слабость. Я создаю иллюзию контроля, потому что внутри часто ощущаю бессилие.

Сегодня утром я вновь испытываю это противоречие: власть и уязвимость, силу и страх, игру и одиночество. Я знаю, что завтра проснусь и снова включу маску манипулятора, потому что без нее я - никто. Но в этот момент, в тишине и свете утра, я позволяю себе просто быть.

Я делаю глоток воды, смотрю в окно и вижу город, который уже просыпается, наполненный своими историями, страхами и надеждами. И в этой бесконечной массе людей я тоже один. Сколько бы я ни управлял их настроениями, сколько бы ни наслаждался властью, я остаюсь в конце концов только собой, со всеми своими сомнениями, слабостями и желаниями.

Иногда я думаю, что если бы не было меня, мир бы казался слишком безликим и предсказуемым. Но сегодня, в тишине своей комнаты, я позволил себе задуматься иначе. Возможно, все не так просто, как кажется.

Ведь я манипулятор, да, я играю на слабостях, заставляю людей сомневаться, раздражаю, подкалываю, провоцирую. Но зачем? Для удовольствия? Для власти? Конечно, частично да. Это дает мне чувство контроля, ощущение силы, которую редко кто испытывает.

Но глубже - это способ понять себя через других. Через их реакции, эмоции, страхи. Когда я вижу, как кто-то вздрагивает от моей фразы, как меняется его настроение, я как будто читаю их души. Это сродни искусству, и я художник теней и эмоций.

Но есть и другая сторона. Страх остаться один на один с самим собой, без масок и ролей. В моменты тишины я чувствую, как внутри пустота растет, как не хватает настоящей связи и искренности.

Сегодня ночью я посмотрел на себя в зеркало не как манипулятора, а просто как человека. И увидел не только ту тень, что играет с другими, но и ранимость, которую скрываю от мира.

Может быть, это и есть настоящая причина моих игр: страх быть забытым, невидимым, неслышанным. Когда я манипулирую, я не просто влияю на других, я подтверждаю свое существование. Я доказываю себе, что важен, что могу изменить что-то вокруг.

Но это признание не делает меня слабым. Оно делает меня живым. И в этом вся моя правда.

Иногда я думаю, что если бы не было меня, мир бы казался слишком безликим и предсказуемым. Но сегодня, в тишине своей комнаты, я позволил себе задуматься иначе. Возможно, все не так просто, как кажется.

Ведь я манипулятор, да, я играю на слабостях, заставляю людей сомневаться, раздражаю, подкалываю, провоцирую. Но зачем? Для удовольствия? Для власти? Конечно, частично да. Это дает мне чувство контроля, ощущение силы, которую редко кто испытывает.

Но глубже - это способ понять себя через других. Через их реакции, эмоции, страхи. Когда я вижу, как кто-то вздрагивает от моей фразы, как меняется его настроение, я как будто читаю их души. Это сродни искусству, и я художник теней и эмоций.

Но есть и другая сторона. Страх остаться один на один с самим собой, без масок и ролей. В моменты тишины я чувствую, как внутри пустота растет, как не хватает настоящей связи и искренности.

Сегодня ночью я посмотрел на себя в зеркало не как манипулятора, а просто как человека. И увидел не только ту тень, что играет с другими, но и ранимость, которую скрываю от мира.

Может быть, это и есть настоящая причина моих игр: страх быть забытым, невидимым, неслышанным. Когда я манипулирую, я не просто влияю на других, я подтверждаю свое существование. Я доказываю себе, что важен, что могу изменить что-то вокруг.

Но это признание не делает меня слабым. Оно делает меня живым. И в этом вся моя правда.

Я снова стою у витрины, той самой, что отражает не просто мое отражение, а все те слои и маски, которые я носил долгие годы. Раньше я прятался за ними, прятался и от себя, и от других. Но теперь я не прячусь. Смотрю на себя открыто, без злых слов, без масок, без тех хитроумных улыбок, которыми привык прятать свои истинные намерения.

Я вижу человека, который так много говорил другим, кем им быть, кого любить, что думать, как себя вести. Того, кто мастерски управлял чужими страхами и желаниями, втягивал в свои игры и драмы, словно режиссер, держащий всех на ниточках. Но вот парадокс: сам я - никем не стал. Ни героем, ни злодеем, ни даже просто собой. В этом отражении - не геройский лик, а пустота.

Люди идут мимо, не замечая меня, не останавливаясь, как будто я невидимый призрак, забытый на задворках чужих жизней. Рядом слышится звонкий смех подростка, легкий и беззаботный, полный надежд и ошибок, которые еще впереди. Девушка чуть дальше говорит кому-то в наушнике, голос ее звучит ясно и уверенно:

- Да, ты прав, я не буду это больше слушать.

И именно в этот момент я понимаю - мир живет. Он продолжает вращаться, дышать, меняться, независимо от моих слов, моих стрел и моих игл. Мои попытки влиять, дергать за ниточки, создавать волну эмоций - все это растворилось в пустоте времени и пространства.

Это странное чувство. Я не испытываю ни страха, ни жалости к себе. Это не отчаяние, не крик души. Это просто - пустота. Холодная, прозрачная, тишина, которая пронзает глубже любых слов, которые я когда-либо бросал в этот мир.

И в этой пустоте я вижу свое настоящее отражение. Без масок и игр. Без иллюзий и манипуляций. Просто человек, который больше не нужен никому и, может быть, впервые за долгое время, самому себе.

Эта пустота не пугает. Она тихая, как глубокий вдох после долгого бега, как пауза между аккордами песни, которая давно перестала играть. В ней нет страха, нет ожиданий, только спокойствие и принятие.

И я стою, смотрю в витрину, и впервые чувствую, что могу просто быть. Без игры. Без контроля. Просто быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.